

18+

Янц Гамб

ВРЕМЯ ГОДА
ЗИМА

Янц Гамб

Время года зима

«Издательские решения»

Гамб Я.

Время года зима / Я. Гамб — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832419-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Время года зима» — роман-драма. О чём молчат
ваши дети... Ответы на свои вопросы подростки ищут вне дома. История
одного врача с большой буквы, перевернувшего сознание вчера ещё ребёнка.
Порой поддержку можно найти в самых неожиданных местах.

ISBN 978-5-44-832419-2

© Гамб Я.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Время года зима

Янц Гамб

Редактор Галина Еремина

Дизайнер обложки Янц Гамб

Корректор Галина Еремина

© Янц Гамб, 2026

© Янц Гамб, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-4483-2419-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Подростковый период (11—14 лет) в психологии обозначен как трудный возраст, так как происходит переход от подросткового к раннему юношескому — (14—17 лет). И в чем, собственно, трудность этого перехода? В том, что с подростком в этот период происходят изменения, которые он вряд ли осознает. Его тело растет, организм развивается, половое созревание сбивает с толку и доставляет беспокойство. Повышенная возбудимость делает его раздражительным, его самолюбие приобретает болезненный характер, он становится тревожным и вспыльчивым, обидчивым и категоричным. Он начинает сравнивать себя с другими, вырабатывая при этом свои собственные нормы и критерии. Он не знает, чего хочет на самом деле. Противоположный пол притягивает и отталкивает его одновременно. Он замыкается в себе и самостоятельно пытается разобраться в своих чувствах, переживаниях, но у него ничего не выходит. Тогда он начинает во всем винить себя. Он ищет понимания и бежит к сверстникам. Но они заняты тем же — собой, своими новыми состояниями, и тогда приходит чувство полного одиночества. Его никто не способен понять, так как он уникален и ни на кого не похож. Он готов исповедаться, довериться, но только не сверстникам, не противоположному полу, не родителям, не братьям и сестрам и, конечно же, не учителям. Тому, кто поймет. Но кто это?

В поисках ответа на свои вопросы подросток из дому перемещается на улицу. Только эта улица — у каждого своя, и куда она приведет, знает только Бог. Подросток подростку рознь. В силу разности людей тот самый трудный возраст наступает и протекает у всех по-разному, формы и последствия его обусловлены не чем иным, как индивидуальными и неповторимыми личностными качествами самого подростка, его окружением, событиями и случаем, а еще удачей. Но через это проходят все без исключения, так мы устроены, такова наша природа. Другой вопрос, что у одного это происходит без крайностей, у второго — с эксцессами, у кого-то — с потерями, у кого-то — с приобретениями. Сухим из воды не удавалось выйти никому. И все это происходит не на бумаге в документе, а в жизни. Это переход из статуса, когда делаются всевозможные поблажки и тебя называют ребенком, в статус ответственности и выбора, в которых не было необходимости раньше. Но это выбор с закрытыми глазами, ведь еще ничего неизвестно. Будущее, о котором все время твердят эти взрослые, такое абстрактное. И если подросток — это еще полуребенок, то юноша — это уже полувзрослый. Чем вызваны гипертрофированное восприятие и реакции на все вокруг во время переходного периода? Это возраст специфических психологических контрастов, когда наблюдаются молниеносные, абсолютно непредсказуемые и довольно частые вспышки, переходы от одного настроения к совершенно противоположному. Юноши и девушки в этом возрасте эмоциональны, обидчивы, импульсивны, категоричны, что приводит к недостаточно продуманным поступкам, а иногда и вовсе к сумасбродству. В этот период наше подсознание старательно укладывает все те абсурдные поступки, которые мы совершали под влиянием какой-то доселе неведомой нам силы и бесконтрольного состояния, в самые дальние уголки нашей памяти. А вся нелогичность и гипертрофированность мелких, придуманных, высосанных из пальца проблем осознается гораздо позже и удивляет не на шутку. Это состояние сравнимо с тем, когда человек приходит в себя после сильного опьянения или наркотического дурмана. Вдруг начинаешь замечать все вокруг и пребываешь в полном недоумении от того, где все это было раньше, почему вместо этого яркого, удивительного и такого многогранного мира был серый и изолированный мирок. Как будто все это время ты сидел в прозрачном, герметичном резервуаре. В нем только ты, все остальное вне тебя. Вокруг то и дело проносятся визуальные образы, но взгляд не задерживается ни на одном. Все хаотично движется, набирает скорость, и ни единый звук не проникает внутрь. Ты никого не слышишь, никого не выпускаешь. Родные и близкие сначала наблюдают, потом стучатся, затем барабаниют до усталости, до изнеможения, пытаешься войти. В какой-

то момент на смену надежде приходит отчаяние. У них опускаются руки, они не знают, что делать. И вдруг, когда уже никто не надеется, стены резервуара разлетаются на мелкие кусочки и оттуда, будто очнувшись от глубокого сна, выходит удивленный, повзрослевший человек. В глазах родных еще блуждает тень недоверия, тот смотрит на них и искренне недоумевает по этому поводу. Ведь его личность устремлена в будущее и готова к свершениям. Разве не этого от него ждали? Это называется, прощай, переходный период, здравствуй, юность! Кто же знал, что не так уж и страшна эта ваша взрослая жизнь!

Иногда, а такое бывает исключительно со счастливицами, когда находишься в этом самом резервуаре неведения, когда ты глух и слеп, когда ты напуган и не слышишь самых близких тебе людей, из всего хаотично движущегося потока по ту сторону взгляд выхватывает кого-то, кто старше, мудрее, кто поймет. Безудержная сила притягивает, и ты начинаешь жадно всматриваться. Еще непонятно, что именно произошло, почему задержался взгляд, и кажется, что долетают звуки. Ты готов слушать и слышать, каждое слово становится важным. Очерчен путь и новые возможности. Это означает лишь одно — влюбленность. Есть человек, ты выбрал его в провожатые, и он разобьет резервуар неведения досрочно. Кто-то вдруг становится значимым, намного более значимым, чем ты сам. И ты вверяешь себя ему, всецело, без остатка.

Глава 1

Льет дождь. Сыро. Пробирает до костей. Старое невзрачное двухэтажное здание на территории клинической больницы рядом с поликлиникой. Отделение гинекологии. Комната дежурного врача. Стол, кровать, умывальник и телевизор — вот и весь интерьер. Бывало ли кому-либо из пациентов уютно в этом здании, вряд ли. Врачам на дежурстве не так, как пациентам, но тоже не очень. Тома не знала, что станет частым гостем и эта комната придется ей по душе. В ней часто и много курили. На старых окнах с деревянными рамами были решетки. Краска давно облупилась. Каждый раз, когда бывала здесь, она смотрела из этого окна на улицу. Ее завораживали сугробы и снежинки, которые так отчетливо видны, кружась в электрическом свете старого накренившегося фонаря. В морозные вечера в этой комнате было особенно уютно. В ней безопасно и можно укрыться от всего мира.

Когда Тамара попала сюда впервые, она не знала о существовании этой комнаты. Девочка стояла у входа, дождь громко стучал по крыше, барабанил по карнизу. Поток воды с шумом вырывался из водосточной трубы, разбиваясь об асфальт и разлетаясь брызгами в разные стороны. И только по оконным стеклам капли стекали бесшумно. Она стояла бы под этим дождем вечно, так не хотелось ей входить.

«Без памяти, — писал С. Л. Рубинштейн, — мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертво для будущего. Настоящее, по мере его протекания, безвозвратно исчезало бы в прошлом». Мы запоминаем все, и уже тогда Тома точно знала, что эта картинка отпечатается в ее памяти навсегда и когда-нибудь она сможет вспомнить все в мельчайших подробностях, прочувствовать заново, так же как чувствует теперь, в это самое мгновение. Стоит нажать кнопку «play» и начнется воспроизведение.

Дождь лил лишь в самый первый день. Все последующие дни шел снег. Занесенное снегом невзрачное здание преобразилось, пушистый белоснежный слой скрывал хаотичные ржавые пятна на крыше, а стекла окон мороз украсил искусным узором. Высокие сугробы сверкали белизной до рези в глазах. От этого было светло и вечером. Было светло и на душе.

Тома медленно и аккуратно ступала по снегу, прислушивалась. Этот звук ласкал слух. Все вокруг казалось ей сказочным. Она останавливалась и оборачивалась. Окно светилось тусклым, желтоватым светом ночника. По снегу от двери шли следы — фигурные углубления от подошв тридцать седьмого размера.

— Мои следы, — думала Тома, — здесь и сейчас!

Она поднимала голову вверх и замирала. Едва касаясь разгоряченной кожи, снежинки таяли на ее лице. Она дышала полной грудью, и ей хотелось обнять весь мир.

Но не в первый день. В первый день все было совершенно иначе.

Глава 2

Тома росла в хорошей семье. Она знала, что у нее замечательные родители, знала, что они высокообразованные, честные и уважаемые люди. Для себя она выделила главное — они самые замечательные родители в мире. Ей было известно и то, что не у всех детей родители такие.

Девочка запоем читала, но только те книги, которые сама выбирала. Дома имелась отличная библиотека, которой занимался папа. Но настоящим книжным фанатом была ее родная тетя по маминой линии, Анна. Каких только авторов не было в ее библиотеке! Казалось, там можно отыскать любую книгу. И родители и тетя давно уже советовали почитать Джека Лондона, но приключения девочку интересовали мало. Больше всего ей нравилось читать о писателях, художниках и музыкантах. До «Мартина Идена» она еще не доросла. А из всего того, что уже было прочитано, она уяснила одну простую вещь — трудиться нужно смолоду. Сама же трудиться вовсе не спешила. Она не знала, чего хочет. Думать об этом еще не думала, ведь впереди целая жизнь, успеется.

Существовала Тамара в двух мирах. И тот и другой были для нее абсолютно реальны, только вот точки соприкосновения между ними практически отсутствовали. Одним миром для нее был дом и книги. Вторым — школа и улица. И это были два полюса. То, что она видела в семье и о чем читала в книгах, никак не совпадало с тем, с чем она сталкивалась вне дома!

Порой ей встречались взрослые люди, которые делали все не так! О том, что они взрослые, свидетельствовали только их внешние данные, в остальном же, подобно бунтующим подросткам, они нарушали все установленные правила и нормы — пили, курили, сквернословили, устраивали драки. Вместо того чтобы быть примером, они могли с легкостью присоединиться к разгулявшейся компании малолеток, вместе с ними распивать алкоголь, рассказывать пошлые анекдоты, стрелкнуть сигарету или, наоборот, угостить. Все это было для Тамары странно и непонятно. Однако эти люди жили по соседству в малосемейном общежитии, во дворе которого они часто гуляли всей своей дворовой компанией.

В школе дела обстояли несколько иначе. Взрослые в лице учителей имели статус «правильных» людей. Вот они-то ничего подобного себе не позволяли. По крайней мере, так это выглядело в глазах девочки. Она в это свято верила. Но и этот мир был далек от описанного в книгах. Где все эти званые балы и маскарады, творческие миры художников и музыкантов, учителя и наставники, которые обучают, а не оценивают, ученые и философы, мудрецы и старцы, где же все это?

Из школьных предметов ей нравилась только литература. Математика, за которой будущее, больше пугала, нежели располагала. Философский предмет геометрия походил на алгебру, только с линиями и фигурами. Его вела та же учительница. История и география, как ни странно, вызывали наибольшую скуку. Казалось, что эти уроки тянутся особенно долго. Войны, восстания и революции интереса не вызывали, а ландшафт, залежи полезных ископаемых и промышленность стран вместо обычаев, традиций и менталитета усыпляли. Всегда только сухая информация, которую трудно понять и сложно запомнить!

Как-то в одной из книг Тамара прочла о мальчишке, который учился музыке, благоговей перед своим учителем и другом. В занятиях он усматривал особый смысл, и учеба была ему в радость. Экзамена он ждал как праздника. В занятиях он преуспел, и его взяли в элитную школу, где он продолжил свой труд. Такого предмета, как музыка, у Тамары в школе вообще не было! Учителя были людьми посредственными. А проверка знаний сводилась к ежедневному, монотонному выставлению оценок в журнал.

В младших классах девочку взяли в хор. Обладала ли она соответствующими данными, так и осталось вопросом. Да это было и неважно. Ведь брали для количества. Дирекция школы решила, что должен быть хор. Часы распределены, актовый зал простаивает. Вот и появился

хор. Тамара оказалась в числе тех, кто под руку попался. Главным и единственным требованием было знать наизусть слова одной песни. Петь ее нужно было как можно громче, чтобы было слышно в коридоре. И они пели, пока не звенел звонок. Ребенок не жаловался. Даже это ее устраивало больше, чем сидеть за партой. Но удовольствие продлилось недолго. Текучка кадров. На место ушедшего руководителя хора претендентов не оказалось, и хор распустили.

В их классе была девочка, которая помимо школы посещала музыкальные классы. Правда, делала она это не по собственной воле, а по настоянию мамы. Из-за этих занятий она никогда не имела свободного времени и совершенно не бывала на свежем воздухе. Отсюда бледность лица и вечная усталость. Учиться сразу в двух школах было непросто. Когда Тамара спрашивала свою одноклассницу об этих занятиях, лицо девочки делалось кислым, а слово «сольфеджио» произносилось с такой тоской, что для непосвященного оно могло означать только одно — каторгу. Родители Тамары уважали выбор дочери и никогда не заставляли ее заниматься чем-либо насильно. И девочка была им за это благодарна.

Тома любила рисовать. Ей говорили, что у нее настоящий талант. На самом же деле она перерисовывала, но делала это настолько тщательно, что выходило один в один с оригиналом. Любимым предметом могло бы стать рисование. Но из урока в урок тучная женщина за учительским столом с кислой миной произносила одну и ту же фразу: «Свободная тема». И все было бы хорошо, если бы однажды после сорока пяти минут усердного труда над образом своего домашнего питомца ребенок не услышал сухое и безразличное: «Четыре!». Желание рисовать с тех пор у нее пропало. Рисование со временем превратилось в черчение — удручающе скучный и непонятный предмет. Вела его все та же горе-учительница. Только теперь вместо фразы «Свободная тема» она поднимала вверх руку, в которой держала гайку, болт или шайбу. В первые пять минут занятия она лениво водила мелом по доске то вдоль огромной деревянной линейки, то используя угольник с транспортиром. Получалась проекция на плоскости с нанесенными линиями сечений, заштрихованными участками и буквенными обозначениями. Вот и все объяснения. Это называлось примером, по которому следовало выполнить чертеж заданной детали. Далее она возвращалась на свое место и сидела с отсутствующим взглядом до конца занятия.

Был еще труд. Этот предмет, как и физкультура, считался дисциплиной несерьезной. И все об этом знали. Несмотря на свою вроде бы творческую составляющую, на уроках труда выполнялись скучнейшие ремесленные задания. Мальчики отправлялись в мастерские и работали на станках, девочки сидели за швейными машинками. Только не это! Тома готова была работать на станке или играть с мальчиками в футбол, только не шить! Девчонки были увлечены. Но не Тома! И она нашла выход — на протяжении всего занятия она только делала вид, что шьет, а вечером за работу бралась бабушка. Уж что что, а шить она умела. Так появилась выкройка фартука, затем и сам фартук. Он был настолько хорош, что учительница не поверила ученице и поставила «хорошо», вместо «отлично». Такая оценка трудов ее бабушки была просто-таки оскорбительна для Тома.

На этом с шитьем было покончено. Следующим этапом труда была кулинария. Каждый должен был принести из дому продукты, которые были распределены заранее. Из них ученицы, разделившись на группы, что-нибудь готовили. Затем блюдо ими же и съедалось. Никакого искусства в приготовлении пищи не наблюдалось. Готовили самое простое — омлет, оливье и жареную картошку. И даже это оценивалось. Учитель труда была все равно, что учитель рисования-черчения в миниатюре. Та была пышных форм и высокая, эта — пышных форм низкорослая. Тарелку она наполняла с верхом, все это поедала, а уже после, на сытый желудок, выставляла в журнал оценки. Поставить пятерки всем она не могла, поэтому некоторые получали четверки по принципу успеваемости по другим предметам. Отличникам — «отлично», остальным — «хорошо». Среди этих «остальных» была и Тома.

Таких занятий было всего несколько, закончились и они. Мальчиков и девочек снова объединили и велели всем приобрести лобзики. Томе его сразу же купили, и это стало для нее настоящим событием. На протяжении целой недели вечерами она подолгу вертела его в руках, рассматривала, вставляла и натягивала металлическую пилку с зубчиками, затем раскручивала. По неясным причинам занятия отменили, и новый лобзик отправился на антресоль. Тамара расстроилась, потому что работать с деревом ей хотелось куда больше, чем корпеть над выкройкой фартука, копаться в швейной машинке или стоять у плиты. И понятно почему, влияние тети. Анна жила вместе с бабушкой. В их доме имелась комната, служившая ей рабочим кабинетом и мастерской. Если она была заперта, это означало, что тетя Аня работает. Каждый раз, когда Тома бывала у них в гостях, ее тянуло туда словно магнитом. Даже кошка не настолько ее занимала, сколько эта комната. И когда ее тетя отсутствовала или была занята чем-нибудь другим, Тому туда пускали.

Анна была человеком творческим и редко спала по ночам. Запираясь в своем кабинете, она работала до утра, рисовала, вырезала по дереву, читала. Кабинет ее был завален книгами. С годами их количество росло, и в один прекрасный день для новой книги не нашлось места ни на одной из полок огромного книжного шкафа. Тогда Анна начала складывать их на полу, временно. День ото дня стопки увеличивались, пока вся стена до самого потолка не оказалась заставлена новыми поступлениями. Отношение к книгам в семье было крайне бережное. И именно Анна приучила всех мыть руки перед тем, как взять книгу. Перед чтением каждый том оборачивался в бумагу. Это было незыблемое правило, которое все соблюдали.

Для резьбы по дереву у Анны имелся специальный инструмент. Результатом ее работы были вычурные фигурки божков и чертиков, которые вешались на стену или ставились на полочки. И божки, и чертики улыбались и выглядели дружелюбно. Фигурки окрашивались и вскрывались лаком. Самые удачные работы украшали стену гостиной. Рисование для Анны было чем-то вроде хобби, но результаты, которых она в нем достигла, были недалеко от профессиональных. Все необходимое у нее также имелось: краски, холсты, кисти. Первые ее три картины красовались дома. Были и другие работы. Она их не продавала, дарила.

Когда вся семья на какое-либо из празднеств собиралась вместе и каждый был при деле, девочка бродила по квартире, то и дело посматривая на дверь заветной комнаты. После закусок и горячего она получала туда доступ. Оказавшись в кабинете Анны, первым делом отправлялась к письменному столу и усаживалась в удобное крутящееся кресло. Она открывала верхний ящик, в котором среди множества еще незаконченных фигур будущих самодельных шахмат и кисточек для рисования, отыскивала два грецких ореха. Это были лакированные орешки. Она часто наблюдала, как в периоды раздумий Анна перебирала их в руке. Ладонка у Тома была маленькая, и у нее так не получалось, но все равно, завладев орехами, она вертела их в руке и подолгу рассматривала названия книг в стопках. Станным образом книги держались и не падали. Заинтересовавшись каким-нибудь названием, Тома бросала орехи обратно в ящик и направлялась к намеченной цели. Чтобы достать нужную книгу, ей приходилось двигать остальные. Пока она перекладывала книги с места на место, ее внимание отвлекалось на другие названия и других авторов. За этим занятием она могла провести, пожалуй, весь вечер. Но каждый раз ее звали пить чай со знаменитым ореховым тортом в исполнении бабушки. Она была хранителем семейного рецепта этого вкуснейшего кондитерского изделия. От такого лакомства Тома отказаться не могла. Девочка быстро съедала свой кусок, доливала себе еще чаю и со вторым куском торта, несказанно радуя своих родных хорошим аппетитом, отправлялась обратно в комнату своей творческой тети. Кушая торт, Тома подолгу рассматривала те три картины, которые когда-то нарисовала Анна. Два пейзажа и портрет. Кто был тот бородастый мужчина в свитере, который так походил на Хемингуэя, никто не знал, а тетя никогда не рассказывала. Возможно, это и был Хемингуэй. Тамара видела эти картины уже тысячу раз, но снова и снова рассматривала их тщательнейшим образом, словно искала новый мазок, кото-

рый мог появиться в ее отсутствие. Затем, допивая чай, она просматривала все отобранные ею книги. Чтобы забрать их домой, нужно было получить разрешение хозяйки. Это была формальность, к которой Тому приучили. На самом деле ей разрешалось брать любые книги без исключения.

Отложив книги в сторону, она отправлялась к дивану, заглянув под который, извлекала из-под него поленья. Они всегда там лежали. Ей было известно, что это материал для будущих фигурок и рамок. Тома уже легко могла различать породы дерева и знала, каков срок выдержки у той или иной деревяшки. Самым древним было полено из груши, его выдержка близилась к семи годам. Его Тома держала в руках дольше, чем все остальные. Груша не крошится. Эта порода дерева хорошо подходит для работы с мелкими деталями, например, с чертами рожиц у фигурок. Орех — самая твердая порода дерева, в работе с ним нужен специальный инструмент, так как сложности возникают уже при нанесении контуров будущего изделия. Знала Тамара, из какого состава получается насыщенный коричневый цвет изделия или светлый, почти желтый, под дуб. Все это в свое время ей рассказала Анна.

Мир творчества был для Тома однозначно привлекателен. Под чьим-нибудь четким руководством она с удовольствием занялась бы и резьбой по дереву, и рисованием, но никто ею не руководил. У Анны было своих дел по горло. А родители занимались наукой и не имели ничего общего с творческим началом. Оставалась литература. Здесь Томе никто не был нужен. Читала она много и с удовольствием. Но читать произведения, задаваемые в школе, ей мешало слово «надо». Одно дело читать просто для своего удовольствия, и совсем иное — по программе, для оценки. Это ей было не по душе.

Как-то им задали «Войну и мир» Толстого. Приступать к чтению Тамара не спешила. Время шло, а она только косилась на том огромной толщины, который стоял на полке. Когда на выполнение задания оставалось меньше недели, она взяла книгу в руки. Смекнув, что к чему, девочка уверенно перелистывала все главы о войне и внимательно вчитывалась в события, относящиеся к миру. На уроке Тамара была активна, в результате чего получила «отлично». Она осталась довольна собой и результатом своей «изобретательности». Данный метод она взяла на заметку, и в дальнейшем пользовалась им сполна. С тех пор целиком она не прочла ни одного произведения, заданного в школе.

Враги-учителя в школе не давали заниматься тем, чем хочется. Поэтому любое домашнее задание Тома выполняла кое-как, а порой не выполняла вовсе. Приходилось выкручиваться, где-то подглядывать, иногда списывать. Как правило, заработать «хорошо» вместо «неудовлетворительно» выходило. Так она и делала. Такова была ее стратегия. Успеваемость девочки была удовлетворительной. Большого от нее и не требовали. Родители предоставили ей полную свободу и в учебный процесс не вмешивались.

Глава 3

Тома вышла из поликлиники на улицу. Шел первый в этом году снег. Крупные хлопья кружили в воздухе. Уже стемнело. Люди быстрым шагом направлялись к станции и спускались в метро. Девушка остановилась. Воспоминания обрушились на нее, как снежная лавина. Она обернулась. Всего в нескольких метрах от поликлиники за забором начиналась территория больницы, на которой по-прежнему находилось невзрачное двухэтажное здание. В груди у нее защемило.

«Каждое утро изо дня в день я проезжала мимо, а сколько раз я бывала рядом!». Сердце застучало так, словно и не было всех этих лет, как будто это было только вчера! Отчетливо одна за другой всплывали детали. Она будто бы снова ощутила на себе внимательный взгляд Нины Дмитриевны, который не раз задерживался на ней, на застенчивой и крайне смущенной девочке.

«Где же мне теперь искать ее?! — в панике подумала Тома, — может, обратиться в отдел кадров? Давно это было, но должны же там храниться личные дела сотрудников! Мне бы узнать фамилию, и тогда у меня будет шанс! Тогда я начну поиск! Интересно, я даже не знаю ее фамилии... Ничего удивительного, при приеме фамилия фигурировала моя. А ее все звали по имени-отчеству».

Тома хлопнула себя по лбу. У нее же был номер домашнего телефона! Конечно! Ей вручили его лично со словами: «Звонить в случае чего». Она отправилась домой с настойчиво пульсирующей мыслью: «Телефон! Где-то должен быть записан номер телефона!» Тем временем внутренний монолог не смолкал: «Сколько хочется сказать! А тогда, что я могла сказать тогда? Чем могла заинтересовать? Нет, что-то же я все-таки говорила, порой даже без умолку! Интересно, что... Сейчас уж не вспомню. И дело вовсе не в памяти — в осознанности», — поймав себя на том, что разговаривает сама с собой вслух, девушка огляделась по сторонам и ускорила шаг.

Тома бросилась к стеллажу, ключи остались в двери. Перелистав все старые записные книжки, она все же отыскала запись. На страничке с буквой «н» было аккуратно выведено «Нина Дмитриевна». Была и фамилия.

— Да вот же! — воскликнула Тома.

Теперь ей были известны и номер телефона и фамилия Нины Дмитриевны. И не понадобилось обращаться в отдел кадров. Имелся и запасной план на случай, если с отделом кадров не выйдет. Тогда она попробовала бы разыскать маму одной своей бывшей одноклассницы. С Ниной Дмитриевной ее свела именно она.

Дрожащей рукой Тома набрала номер. В трубке раздался длинный гудок. Она почувствовала пульсацию в висках. Трубку сняла какая-то женщина, и это был голос не Нины Дмитриевны. Его Тома узнала бы.

«Но кто же это? — разочаровано подумала Тома. — Голос пожилой дамы... может, это свекровь? Точно! Нина Дмитриевна как-то упоминала о свекрови!»

Воодушевившись, Тома произносит заветное имя, и в трубке раздается приговор:

— Здесь таких нет.

— Это номер пятьдесят четыре, десять? — спрашивает в надежде, что ошиблась, девушка.

— Да, это наш номер, — отвечает пожилая дама, и уже хочет повесить трубку.

— Простите, — не отпускает Тома, — но здесь же раньше жила Нина Дмитриевна?

— Жила, но они продали квартиру, — отрезала пожилая дама.

— А нового номера вам Нина Дмитриевна не оставила?

— Нет.

— Спасибо...

— Да, в общем-то, не за что.

Тома все еще держала в руке трубку. В ней раздавались короткие гудки. Очнувшись от раздумий, она вспомнила, что не закрыла входную дверь.

Глава 4

Тома отлично помнила, как стояла перед дверью приемного отделения, как сердце отбивало ритм, а в руках, которых уже не чувствовала от холода, она держала цветы. Она долго собиралась с духом, наконец вошла. Окошко, в которое обращались посетители, было прикрыто. В помещении стоял гул, все лавки были заняты. Тома топталась на месте.

Когда она пришла сюда впервые, казалось, что в этом унылом здании нет ни души. Было совершенно пусто и тихо. Звук закрывшейся за ней двери подхватило эхо и унесло куда-то в конец коридора, откуда потом появилась служущая.

Цветы она старалась спрятать за спиной. Казалось, на нее все смотрят, но никто не смотрел. На нее никто не обратил никакого внимания. Все были заняты своими делами. Было время посещений. Пациенток легко можно было вычислить по махровым домашним халатам. Посетители сидели в верхней одежде. В большинстве своем это были мужчины. Вид у них был растерянный. В этой их растерянности проглядывалось что-то детское: как напавшие дети, они проявляли послушание и кротость. Им явно хотелось вернуть своих женщин обратно домой. За время их отсутствия они успели оценить ту заботу и опеку, которыми были окружены. На себе они ощутили отсутствие женских рук. На них навалились быт и заботы, которые изо дня в день безропотно выполняли их половинки и о которых они не подозревали все это время. С понурым видом они сидели рядом со своими пассиями. Те же, наоборот, все как одна бодрелись, были веселы и даже здесь, в больнице, старались позаботиться о своих детях, больших и малых. Убедившись, что все накормлены и сыты, они отправятся обратно в палату на вечерний обход. Его проводит дежурный врач. Причины пребывания здесь у всех разные. И каждая хочет скорее выписаться, быстрее вернуться домой. Мысли Тома прервала появившаяся в окошке дежурная.

— Вам кого?

— Мне Нину Дмитриевну увидеть, — произносит Тома еле слышно.

— Нину Дмитриевну? — удивленно переспрашивает лицо в окошке. — Вы пациентка? Как ваша фамилия?

— Нет, я по личному вопросу, — еще тише отвечает Тома.

— Сейчас позову, ожидайте.

Прикрыв окошко, дежурная удалилась. Тома осталась ждать. Мысли перенесли ее в палату, и она представила, как туда заходит Нина Дмитриевна. У этих женщин будет возможность увидеть ее вечером, перед сном. «Неужели я завидую им? Нет, конечно, нет! Сейчас и я увижу Нину Дмитриевну, и на этот раз не придется испытывать никаких неудобств и стыда, которые были в день нашего с ней знакомства!» Кроме стыда и стеснения было еще что-то третье, что-то, чего Тома еще не могла в себе понять. Это и привело ее в эти стены снова. Ей снова захотелось оказаться возле Нины Дмитриевны, в ее власти, под ее опекой. Тогда рядом с этой женщиной ей вдруг стало удивительно спокойно. Реальность и время стерлись. Возле нее стоял профессионал. Уверенность и решительность чувствовались в каждом ее жесте, в каждом движении. И странное дело, оказавшись на гинекологическом кресле, впервые в жизни она почувствовала себя такой защищенной! Лежала она с закрытыми глазами. Халат Нины Дмитриевны коснулся ее ноги, затем она почувствовала прикосновение и услышала уже полюбившийся ей низкий голос: «Сейчас будет немного неприятно, но потерпи». Тома напряглась и зажмурилась еще больше. Ей казалось, что она вытерпит все на свете, лишь бы не ударить лицом в грязь перед этой красивой женщиной. После совершенно случайно вырвавшегося стоны, она больше не пикнула.

— Пожалуйста, расслабься, я уже почти закончила.

Дискомфорт вдруг исчез, звякнул металл.

— Вставай, одевайся.

Было это около месяца назад. Возвращаться сюда снова повода не было. Но, к ее счастью, по поручению мамы она должна была кое-что передать Нине Дмитриевне. С этим и пришла. Но еще купила цветы, от себя.

— Проходите, Нина Дмитриевна сейчас к вам выйдет, — послышался голос в окошке.

Тома оказалась в уже знакомом коридоре. Тогда он казался ей холодным и опасным. Белая, местами треснувшая плитка на стенах наводила ужас. Теперь же девочка не испытывала ничего подобного. Здесь работает Нина Дмитриевна, и это знание вмиг нейтрализовало холод больничных стен. Страха больше не было. Волнение осталось. И оно нарастало. Но это было уже совершенно иное чувство.

Руки Тома успели согреться, и она почувствовала острую боль в правой кисти, которая крепко сжимала букет роз. Она ее разжала. Колючка так впилась ей в ладонь, что выступила кровь.

Нина Дмитриевна подошла совсем бесшумно. Она стояла рядом, высокая и стройная, руки в карманах белоснежного халата. Посмотрела на Тому, и на ее красивом невозмутимом лице заиграла улыбка.

— Идем, — по-хозяйски повелительно и в то же время ласково произнесла она.

Тома послушно последовала за ней. Она старалась ступать след в след по свежевывытому полу. Шаг приходился на третью плитку через две. Они миновали кабинет, в котором когда-то проходил осмотр, и в конце коридора повернули направо.

— Проходи, — открыла дверь своим ключом Нина Дмитриевна и пропустила Тому вперед.

Тома вошла. Ничего общего с рабочим или смотровым кабинетом не было, от этого ей сразу стало легко. Комнатка была маленькая. Журнальный столик был придвинут к окну вплотную. На нем стояла настольная лампа и пепельница. Тома положила сверток, который передала мама. Это была емкость с синькой, которую когда-то попросила Нина Дмитриевна для своих пациенток. Проход между столиком и кроватью был очень узким. Пройти мог только один человек при условии, что за столом или на кровати никто не сидит. Умывальник находился при входе, а старый телевизор стоял на тумбе в противоположном конце комнаты. Несмотря на тесноту и простоту обстановки, это была замечательная комната, потому что сейчас в ней находилась Нина Дмитриевна. Из-под умывальника она достала пластиковую бутылку, обрехала края и набрала в нее воду. Затем взяла у Тома цветы и, поставив их в импровизированную вазу, водрузила на подоконник.

— Садись, — гостеприимно произнесла Нина Дмитриевна.

Тома стояла возле застеленной покрывалом кровати и не решалась на нее сесть.

— Садись же, — повторила Нина Дмитриевна.

Тома аккуратно присела на самый край. Профессиональным жестом Нина Дмитриевна засучила рукава, вымыла руки и закрутила кран. Из тумбы она достала аптечку.

— Дай посмотрю, — Нина Дмитриевна наклонилась над Томой и, осматривая ранку, взяла руку девочки в свою.

— Ты у нас девушка терпеливая, я знаю.

Не успела Тома опомниться, как ранка была протерта спиртом и заклеена пластырем.

— Сейчас чай будем пить, — Нина Дмитриевна включила электрический чайник, который стоял на подоконнике за шторкой, и он загудел.

Оттуда же появились чашки и сахарница. Тома жадно изучала каждый сантиметр этой комнаты. Раздался щелчок.

— Сколько ложек? Две? Держи, — протянула чашку Нина Дмитриевна.

Тома с благодарностью приняла чашку из ее рук как нечто драгоценное. Ей так нравилось находиться здесь! Теперь Тамаре следовало бы объяснить то, что с ней произошло,

вышло совершенно случайно, ей вовсе не хотелось заниматься ничем таким... Она хотела оправдаться.

— Нина Дмитриевна, — виновато начала Тома, — вы знаете, вообще я не такая, как вы могли обо мне подумать. Меня такие вещи совершенно не интересуют. Все это вышло случайно. Я даже и не знаю, как вообще это могло со мной произойти! Просто...

— Я знаю и ничего не думаю. Я знаю, что ты хорошая девочка. Чай пей, — перебила Нина Дмитриевна.

— Понимаете... — не унималась Тома.

— Понимаю, пей, а то остынет. Здесь холодно, топят еле-еле, — Нина Дмитриевна дотронулась до батареи.

Из-под стола она выдвинула табуретку, которую Тома не заметила. Она сделала глоток. Чай был сладким и вкусным, как никогда! В комнате и правда было холодно, но Тома этого не ощущала. За окном шел снег, и это делало комнату теплой и уютной.

— Нина Дмитриевна, мне очень неудобно оттого, что все это так... что вы меня знаете с такой стороны.

— Тебе не о чем переживать. Слышишь? Все нормально. Совершенно точно говорю. Знаешь, я здесь давно работаю, много всего вижу.

— Ну да, наверное, — Тома еще отпила чаю.

— Уверю тебя, ничего плохого я о тебе не думаю.

Тишину нарушило чирканье спички. Нина Дмитриевна открыла форточку и поставила на стол пепельницу.

— Может, накинешь куртку? Замерзнешь.

— Мне не холодно.

В семье Тамары курила только Анна, когда работала. Это было неотъемлемой частью ее творческого процесса. Так она концентрировалась, думала. Так зарождался замысел. После выкуренной сигареты она была полна идей и приступала к работе с новой энергией. Нина Дмитриевна курила так же, затягивалась глубоко и погружалась в свои мысли, курила медленно, пепел сбрасывала точным и уверенным движением указательного пальца.

Девочка уже пробовала курить, но ей не понравилось. Да и родители этого точно не одобрили бы. Сами они были некурящие. Только однажды на семейном празднике она видела, как по настоянию своего друга закурил папа, неумело, не затягиваясь. Больше это не повторялось. Мама за таким занятием никогда замечена не была. И пробовала ли она курить когда-либо, Тома этого не знала. Скорее всего, что нет. Времена были другие, девушкам было не положено.

В нынешнее же время курили все: и девушки и парни. Курили и многие из одноклассников Тамары, с которыми она дружила. Для этого у них было специальное место на улице, за мастерскими, — «курилка». Тома бегала туда на перемене, просто стояла за компанию.

Парень Тома, Сеня, тоже курил. Он был во всех отношениях взрослый и пришел к ним из другой компании ребят постарше. Тамара постоянно дышала дымом его сигарет, а когда они целовались, она чувствовала привкус табака. Все парни «стреляли» сигареты друг у друга или у прохожих. На пачку денег никогда не хватало, поэтому если покупали, то поштучно. Но у Арсения всегда были свои. Он учился уже не в школе, а в техникуме, иногда подрабатывал, и у него имелись карманные деньги.

Как-то раз, когда вся их компания была в сборе и сидела на веранде детского сада, к ним подошла девица. Она была знакома только с Сеней. Тома часто видела ее, жила она в общежитии напротив, но никогда раньше не подходила к ним. Голос у нее оказался сиплый, прокуренный, а словарный запас, как у Элочки-людоедки, сводился к минимуму. Матерные слова преобладали. Маму девица называла «матушка», но без намека на ласковое почтительное отношение к ней. Сказала, что «матушка» послала ее за папиросами. «Хорошо, что не за водкой», — промелькнуло у Тома. Наверняка бывало и такое. И вот девица достала пачку,

распечатала ее и закурила. Курила она, как заправский мужик. И смотреть, и слушать ее было противно. Затыгивалась она так долго и так глубоко, что у Тамары перехватывало дыхание, настолько она была впечатлительной. Тем же вечером сломя голову она бросилась домой и по совершенно непонятной для мамы причине начала умолять ее никогда не курить. Несмотря на все уверения Елены Александровны, так звали ее маму, Тома требовала дать ей честное слово, и та ей его дала, лишь бы дочь успокоилась.

На этот раз все было иначе. Девочке нравилось то, что она видела. Затаив дыхание Тома следила за грациозными движениями Нины Дмитриевны. Она то подносила сигарету к губам, то отнимала. На вдохе становилась задумчива, на выдохе решительна. Тома сидела молча и боялась пошевелиться, как будто все это могло исчезнуть. Тишину нарушил стук в дверь. В дверном проеме показалась дежурная. Тамара сразу же поднялась.

— Можешь подождать здесь, если хочешь.

— Не буду вас задерживать, я и так... простите.

В спешке Тамара надевала куртку.

— Застегивайся.

Звякнула связка ключей, и Нина Дмитриевна открыла дверь, которая находилась сразу возле ее комнаты. Это был служебный вход. Со двора хлынул морозный воздух. Нина Дмитриевна, стоя в одном халате, не спешила уходить.

— Иди, я постою, пока ты выйдешь на дорогу.

— Что вы, не нужно, я дойду, я и не в такое время ходила, — пятилась Тома. Ей не хотелось поворачиваться к Нине Дмитриевне спиной.

— Да я понимаю, — кивнула Нина Дмитриевна, но продолжала стоять, — иди, я жду.

— А я могу как-нибудь увидеть вас еще?

— Я дежурю сутки через трое. Приходи, когда пожелаешь.

Тома восторжествовала. Чтобы не держать больше Нину Дмитриевну на морозе, она побежала к дороге. На душе у нее было так легко и радостно, что она и не заметила, как добралась домой.

Глава 5

В жизни Тома все оставалось по-прежнему, школа, двор, и только сутки через трое все менялось. Дни, когда Нина Дмитриевна дежурила в клинике, стали для нее очень важными, она ждала их с нетерпением. С каждым днем сверстники интересовали ее все меньше. Больше внимания она начала уделять занятиям в школе. Правда, пока это никак не отразилось на ее успеваемости. Домой она стала приходить вовремя. Вместо того чтобы околачиваться во дворе, теперь она подолгу оставалась в своей комнате. Ей стало нравиться проводить время в полном одиночестве. Каждый раз, лежа в кровати, она думала о чем-то своем и долго не могла уснуть.

Родители с самого раннего возраста с уважением относились ко всему, что говорила их дочь. Тома росла ребенком, с чьим мнением считались и чьи суждения заслуживали внимания. И она об этом знала. Мама всегда прислушивалась к ней, потому что девочка чувствовала людей. И действительно, неискренность она улавливала за версту, причем в любом ее проявлении. В возрасте четырех лет по отношению к человеку, который с ней сюсюкался и проявлял всяческую заботу, она могла заявить: «Мне эта тетя (или дядя) не нравится». Все, точка. Вердикт звучал категорично и безапелляционно. Поначалу родители удивлялись, а со временем признавали точное попадание дочери в цель. Она чувствовала то, о чем они еще не догадывались. И в то же время ей мог нравиться человек, гость, который не обращал на нее никакого внимания. То есть мнение ребенка никак не зависело от того, сколько ему уделяется или не уделяется внимания. Она была наблюдательна. Не вникая в смысл сказанного, только по жестам, манерам и интонациям ей удавалось распознать то, что было сокрыто от других. Но и она иногда ошибалась. Такая ошибка произошла в первом классе. Она только пошла в школу и, как и все дети, попала под влияние общеизвестного феномена: «учительница первая моя». Все первоклашки любят свою первую учительницу. По крайней мере, им так кажется. На самом же деле в том возрасте и в тех обстоятельствах они просто не способны объективно оценить человека, которому выпало быть их проводником, и дать правильную оценку его реальным качествам. С психологической точки зрения все объясняется очень просто — оказавшись в новом месте без маминого крыла, малышей охватывают всевозможные страхи и тревожения. И тогда они ищут того, кто будет их опекать и защищать от мира неизвестности, как мама. В своем выборе они ограничены, его нет. Есть только один человек, обязанности которого предусматривают опеку над ними. Это их классный руководитель, который первые три года ведет у них все предметы и который для них и царь и бог в одном лице. Поэтому ничего не остается, как возвести его на постамент и отдавать почести, кем бы ни был он на самом деле.

Как-то по дороге домой у них с мамой состоялся такой разговор, как обычно, Елена Александровна расспрашивала дочь, как та провела день и как прошли занятия в школе. В тот период маленькая Тома часто употребляла такую конструкцию: «А вот Галина Андреевна сказала...». Мама к этому уже привыкла. Но на этот раз из уст дочери прозвучало утверждение, которое пропустить мимо ушей Елена Александровна не смогла. Тогда она поправила ребенка, что вызвало бурю эмоций. Тома стояла на своем, твердя при этом как попугай: «Нам сказала учительница!». И никакие вразумительные доводы не проникали в сознание девочки до тех пор, пока мама не потеряла терпение и не перешла к такому аргументу, как: «Твоя мать старший научный сотрудник, в конце концов! Ты могла бы хоть иногда прислушиваться и к моему мнению!». Когда они вернулись домой, Тома с крайне озадаченным видом ушла к себе в комнату.

Спустя десять лет Тома шла по улице и увидела свою первую учительницу, с которой после окончания начальной школы они не виделись. Та шла по улице. Тамара направлялась в ту же сторону. Галина Андреевна зашла в магазин, и Тома последовала за ней. Ее никто не заметил, и она свободно могла наблюдать за этой женщиной, казавшейся ей теперь абсолютно

чужой и незнакомой. Учительница ходила между прилавками, а на лице ее бывшей ученицы все четче вырисовывалось разочарование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.